Барнабас IV Кошмарный. Злодей и сад наслаждений

Александр Бережной

Александр Бережной

Барнабас IV Кошмарный. Злодей и сад наслаждений

«Автор»
2026

Бережной А. В.

Барнабас IV Кошмарный. Злодей и сад наслаждений /
А. В. Бережной — «Автор», 2026

Зло многолико, но, когда вы думаете о зле, очищенном от всех примесей и чуждых ему смыслов, выкристализованном, ставшем эталоном, вы думаете о нём.Сеньоры, сеньориты, прошу любить и жаловать - Барнабас IV Кошмарный.

© Бережной А. В., 2026
© Автор, 2026

Александр Бережной
Барнабас IV Кошмарный.
Злодей и сад наслаждений

Да, я – Барнабас IV Кошмарный.

Да, тот самый.

Да, убийца легендарного инкуба.

Да, того самого К.А. Зановы.

Нет, просто журналисты выбрали не самую мою удачную фотографию.

Да, конечно же, giardino di delizie, его знаменитый гарем, полный лучшими девушками со всего света, стал моим.

Нет, на подобные вопросы я отвечать не буду.

И прошу не прерывать меня.

Я, как вам всем известно, – злодей. Un villain verdadero.

Самый что ни на есть злодейсткий злодей.

Всё, что я творю, - зло.

Чистое. Puro. Рафинированное. Без всей этой серой морали и сложных моральных выборов.

Этим я выгодно отличаюсь от всех остальных, вступивших в борьбу за титул Тёмного Повелителя.

И не стоит искать причины моего поведения в моём прошлом, виня во всё моих родителей или хулиганов. Это глупо и не имеет никакого отношения ко мне, потому что у меня были прекрасные родители, благодаря которым я получил прекрасные воспитание и образование, а что до хулиганов… думаю, любому должно быть понятно, что убийца могущественного инкуба не боится хулиганов.

Я – злодей, и я горжусь этим.

Почему?

Вы посмотрите на меня – я и есть ответ на этот вопрос.

Но хватит вступительных слов.

Все ознакомились с выданными методичками?

Прекрасно.

Меньшего и не ожидал. Лучшие из лучших.

Так прошу процитировать первый пункт.

Да, да, если забыли можете подсмотреть.

Ну что же вы?

Ладно, ладно, я сам сейчас прочитаю вам этот пункт.

Пункт номер семь. Никогда не начинай нумерацию злодейский планов в первого пункта.

Да, сеньоры, именно так.

Я – злодей и злодеяния мои касаются не только противников, но и вас, будущие soldato.

Прошу это хорошо запомнить.

А теперь я удаляюсь, отдавая вас в полное распоряжение capodecina Астрид Кровавой.

И не надо вздрагивать, Астрид впадает в безумие лишь когда видит кровь, поэтому если никто из вас не будет столь неловок, что порежется о лист методички, вы скорее всего переживёте вводный инструктаж.

Астрид, моя дорогая, прошу…

…

Ах да… методичку всё же прочитайте, вам по ней мне ещё зачёт сдавать…

Морана Владимировна, моя правая рука, sottocapo, стояла на том самом месте, где мы расстались, когда я пошёл к первокурсникам.

Кажется, даже позы не изменила, ни на миллиметр.

«Произведение искусства, высеченное изо льда, которому место на пьедестале, чтоб удобнее было им любоваться. Любоваться не всем, только избранным, ведь лишь избранные обладают достаточным опытом и вкусом, чтобы оценить льдистую синеву кожи и тонкую, почти мальчишечью фигуру, соразмерность линий лица, заставшего в лёгкой грусти или быть может в удивлении, таком же лёгком, едва уловимом». - так или примерно так думал К.А. Занова, чтоб черти его в котлах со святой водой до конца дней полоскали.

Я думал иначе, поэтому теперь княжна стояла не в спальне, под стеклянным колпаком, а в большинстве случаев находилась, если не рядом со мной, то где-то поблизости.

Иного способа спастись проклятой жары, которая началась с конца весны и до середины осени не ослабнет, который я могу бы себе позволить, не влезая в ещё большие долги, чем мне достались от престарелого инкуба, так не вовремя скончавшегося, найти не удалось.

Игнорировать же проблему жары никак нельзя себе позволить: потеющий злодей, как и злодей с одышкой, - зрелище жалкое, роняющее тень на всё злодейское сообщество.

- Всё так плохо? – лишь губы, лишь они ожили, в остальном Морана осталась недвижна.

Сделал несколько шагов, окунаясь в приятную прохладу, исходящую от неё, предлагая свой локоть как опору.

Нам предстояла небольшая прогулка.

- Не уверен, что результат стоит денег, потраченных на рекламу. – признался я.

- Барнабас, мне нравятся, что вы шутите даже в такой ситуации. Этим вы мне напоминаете моего брата.

- Княжна, я же просил, когда мы наедине, зовите меня Барни, просто Барни…

- Только после того, как услышу от вас Мора, а не княжна или Морана Владимировна.

- Прошу простить меня, Мора, я исправлюсь.

- Уже исправились, Барни.

Я взглянул на свою спутницу.

Ей сейчас бы очень пошла лёгкая улыбка.

Улыбки не было.

Была всё та же лёгкая грусть.

- Нам нужны громкие злодейские дела. Такие, чтоб мы вновь оказались на заголовках всех газет, как это было в прошлом году.

- Барни, мы это уже обсуждали. Время упущено. Сейчас заголовки уже ничего не исправят. За год они забудутся и набор опять будет плохим. Если организовывать дело, то только непосредственно перед набором. Тем более у нас есть обязательства, а людей для выполнения даже их не хватает. Мы не можем отвлекаться на ещё что-то.

- И всё же поговорите с Вильгельминой. Может быть она сможет найти дела, не требующие привлечения значительных сил, или результат, по которым будет ближе к следующему набору. Будущий урожай, как и будущая победа, закладывается задолго до того, как придёт время первому зерну опуститься в землю.

- Пункт тридцать второй?

- Мора, вы – прелесть. Даже и не знаю, что бы я без вас делал.

- Потели бы, как и все окружающие. Расправьте плечи и помашите рукой нашему дражайшему Эфиальт.

- Где эта гадюка?

- Вон, чуть левее, под зонтиком в кафе.

Эфиальт, конечно же, как и многие люди его положения, хотел выглядеть богато и величественно, но солнце и жара имели на эту тему своё мнение. Волосы, слиплись и даже на вид выглядели жирными, сорочка прилипла к телу, став почти прозрачной, на жилетке виднелись белые разводы – это соль от высохшего пота.

- О, он что приглашает нас присоединиться к нему?

- Не вздумайте принимать его приглашение, Барни. Пожалейте меня. От него же воняет. Я это чую даже отсюда.

- Вы правы, мы можем проигнорировать его предложение, тем самым несомненно нанеся оскорбление. Мы ведь всего лишь должны ему денег и если мы не найдём, чем заплатить ему в следующий раз, то проблем у нас прибавится. Кстати, когда следующая выплата?

- В конце этой декады.

- То есть уже послезавтра?

- Совершенно верно.

- Но ведь деньги у нас есть? Так ведь?

- Барни, вынуждена вас огорчить.

- Могу ли я узнать причину?

- Исабель Херес-де-ла-Фронтера.

- Что на этот раз?

- Карты.

- По возвращению отдам приказ вытащить её гроб на солнце да открыть.

- Вынуждена напомнить, что она всё же ваша consigliere. Департамент и Лига этого не оценят.

- Но это когда ещё будет, тем более всегда можно что-то придумать… а наслаждение наблюдая за тем, как она сгорает на солнце, я получу уже сегодня.

- Барни, вас послушать, так вы – само злой.

- Ой, не льстите мне, не льстите, а то во время предстоящего разговора опять буду улыбаться как дурак.

- Улыбайтесь, молю, улыбайтесь. В прошлый раз, ваша зловещая улыбка заставила наших конкурентов отказаться от торгов, и контракт на очистку канализации от крыс-мутантов мы получили по максимальной цене.

- Ах, да… что там с ним?

- Именно аванс с него наша Исабель и проиграла в карты.

- Значит, нужно выполнить контракт до послезавтра и получить оставшиеся семьдесят процентов суммы.

- Серафина ещё не вернулась.

- Серафина была планом А, но есть ещё и план Б.

- Могу ли я его услышать?

- Озвучивай план только после того, как он уже реализован.

- То есть вы ещё не придумали?..

- Но придумаю.

- Странно…

- Что странно?

- Я думала, вы процитируете пункт сорок восемь «даже не имея плана веди себя так, будто всё происходящее – часть плана»… и ранее вы озвучили пункты сорок и сорок три…

- Пункт шестьдесят два. Делай то, чего от тебя не ждут.

Поддержание образа злодея среди мирного населения – задача крайне важная и в условиях ограниченного бюджета требующая изрядной фантазии и физических страданий.

Моих фантазии и страданий: стоять без спасительной прохлады Мораны в чёрном костюме, да ещё в плаще, это, признаюсь, то ещё испытание, но которое необходимо пройти. Моя sottocaро сейчас занята куда более важным делом, чем банальное обеспечение моего комфорта: она восстанавливает ледник, чтобы продукты людей дольше сохраняли свежесть.

Замечу, делает это она совершенно бесплатно, в отличии от криомагов, чьи услуги пусть и не дороги, но всё же позволить их себе могут лишь горожане с достатком выше среднего, а таких в Мышином хвосте нет.

Разумеется, моё «совершенно бесплатно» не так уж и бесплатно, как всем может показаться, ведь я всё-таки – гордо ношу титул «злодея».

Благодаря подобным мелочам между мной и населением устанавливается доверительная связь, которая в свою очередь даёт мне ряд преимуществ.

Во-первых, слухи о действиях сколько-нибудь касающихся меня или могущих мне повредить, мне становятся известны, позволяя выработать меры противодействия. А всё из-за того, что некоторые злодеи или личности, метящие на это место, не способны держать язык за зубами, не воспринимая свою прислугу как людей, а скорее как инструмент, предназначенный для выполнения той или иной функции.

Во-вторых, многие контракты из окружающих город селений, которые могли бы поступить в Лигу, а потом на торги, идут сразу ко мне, что даёт пусть малый доход, но всё же доход, при чём в натуральном выражении, ведь чтобы не быть обвинённым в нарушении закона о свободной конкуренции, который требует проводить работы от определённой сумму через торги, бартерные сделки вполне законно могут быть заключены в обход его.

В-третьих… вот оно, то самое в-третьих, Мора, закончив с ледниками, появилась на улице и тут же оказалась окружена детворой. Кто тащил бидончик, в котором было немного молочка. Кто кружечку с ягодами. Кто немного мёда в тарелке. Кто горсть цукатов в стакане. Кто просто с пустой кружечкой.

Небогатые жили люди в Мышином хвосте, у небогатых людей были небогатые дети.

Мора творила настоящую магию.

Средь палящего полудня началась лёгкая снежная буря.

Сразу стало легче – лёгким движением руки она бросила в меня горсть снежинок, а все принесённые детишками ингредиенты поднялись в воздух, закружились, перемешиваясь. И пусть Мора была уверена, что я не заметил, но я заметил, как из рукава её к кружению добавилось ещё много чего вкусненького.

Мороженное, достойное обзавестись собственной маркой и быть поданным только ко столу действительно богатых граждан, под радостные возгласы стало заполнять опустевшие или бывшие пустыми изначально посудинки.

В-третьих, в будущем многие из этих детей вполне возможно могут захотеть стать моими soldato, так как мой образ был перед ними с самого детства.

Пункт тридцать два в действии.

- Мора, вы только что улыбались?
- Барни, когда?
- Только что.
- Вам показалось Барни, видимо, солнце напекло вам голову.
- Видимо.

После Мышиного хвоста мы приняли чуть в сторону, чтобы выйти к особняку, принадлежавшему Альфонсо Марии ДенароГрассо.

Если подбирать фразу, которая лучше всего характеризовал бы его, то это была бы «Человек, который купил всё, кроме вкуса».

Этот толстосум откупил себе целый квартал и помимо строительства своего дома разбил там ещё парк с фонтами, статуями, в котором позволял гулять горожанам. Не от широты душевной, разумеется, чтобы потешить своё эго и похвастаться богатством.

С недавних пор Альфонсо отдался новому увлечению – он возжелал стать злодеем.

Захотел – стал.

Деньги в нашем мире творят чудеса, недоступные магии.

Но злодей – это не патент, не квалификация, подтверждённая профессорами, и сегодня мы ему это покажем.

Ну и отдадим выигранную им в лотерею картину.

Ту самую, висевшую у меня в прихожей, и которую я, как и её предыдущий владелец, убитый мной, К.А. Занова, отказался продавать (о причинах позднее), но оформивший через Лигу злодейское мероприятие «лотерея», где она оказалась главным и единственным призом.

В Лиге первоначально отказались регистрировать моя «лотерею», не усмотрев в ней признаков злодейства, тогда Летицией и Вильгельминой по моему поручению был составлен документ на ста сорока трёх страницах, пронумерованных и прошитых, в котором на конкретных исторических примерах и в числах делался вывод о том, что «в рамках мониторинга факторов риска установлено, что лотерейная деятельность, обладая признаками азартной игры, продуцирует угрозы криминогенного и аддиктивного характера для отдельных категорий граждан, включая формирование предпосылок к совершению противоправных деяний и вовлечению в иные формы игорной зависимости».

- Мой дорогой друг, Барнабас. – Альфонсо как всегда светился благополучием, в чём при его-то финансах не было ничего удивительного. – О, и вы Морана… позвольте поцеловать вам ручку… Барнабас, клянусь, я когда-то сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться, и вы продадите мне Морану Владимировну… Морана вы ведь будете не против стать первой в моём гареме?.. ледяная часть моего сада построена именно для вас… я специально приглашал архитекторов с вашей далёкой родины, чтобы она построили…

- Избы. – подсказала Мора.

- … построили избы, как у вас на родине, без единого гвоздя, так ведь у вас говорится?.. И деревья привезли. Мне предлагали наши сосны, говорили, что нет разницы дерево и дерево, но я не согласился. Эти деревья стоили целое состояние, но для вас ничего не жалко…

Ведя нас в святая-святых – сокровищницу, где хранились наиболее ценные вещи – Альфонсо говорил и говорил, явно получая огромное удовольствие от звучание своего голоса и роли радушного хозяина.

- Новая система защиты? Тренберг?

- Барнабас, дорогой мой друг, сразу видно профессионала. Тренберг, конечно, же Тренберг, при чём для её проектирования приезжал сам старший сын главы фирмы и будущий наследник дела. Вы знали, что они теперь используют серебро более высокой очистки, у них даже есть три патента на эту технологию.

- Признаться, впервые слышу. – добавить мои размышления о том, что только профан будет измерять надёжность защиты чистотой серебра, использованного в схемах, я не успел, потому как поток слов, вырывавшийся сегодня из Альфонсо был поистине неостановим.

- Приятно это узнать… мы ведь теперь, дорогой друг, признаюсь, коллеги, а это необычайно приятно знать, что мне известно что-то, что не известно даже вам, Барнабас…

- Коллеги? – притворился я удивлённым.

- Ах… длинный мой язык… проговорился… а я ведь хотел сохранить это в секрете и объявить об этом во время следующего приёма…

Тут же появился патент, который Альфонсо протянул мне.

Да, да, случайно проговорился, верю я.

Я, когда случайно проговариваюсь, всегда ношу с собой все документы, которые могут подтвердить мои слова.

Очень профессионально.

Очень.

- Поздравляю, коллега. – с совершенно искренней улыбкой пожал я ему руку.

- Благодарю, коллега.

Сокровищница Альфонсо у любого злодея могла вызвать только одно желание – желание обокрасть её.

Немедленно.

И желание это было вполне естественно.

Вполне естественно для злодея, желающего доказать окружающим и, что куда важнее, себе, что он это может сделать.

Не ради денег, которые могли бы быть получены после продажи сокровищ, а именно ради того, чувства, которое появится у злодея, когда ему удастся кража.

И несчастный этой злодей будет носиться с этим чувством, подпитывая его, когда будет разглядывать украденные сокровища, пока какой-то другой более ушлый злодей не украдёт эти сокровища уже у него, оставив бездну разочарования, тем более глубокую, чем более высоко он взлетел на крыльях обладания сокровищами.

Налоги опять же… налог на мой гарем за прошлый год был просто разорительно-губителен, сколько приходится платить за вот это всё даже представить страшно…

Альфонсо, получив тубу с картиной, аж подпрыгнул.

Для победы ему всего-то пришлось выкупить весь тираж лотереи, в том числе и часть билетов, переданных мной на безвозмездной основе некоторым из семей Мышиного хвоста и Дальнекрая, таким образом за счёт его денег я поднял свой авторитет среди населения.

Вырученных денег хватило на проведение ремонта усадьбы, рекламу в газетах (больше тратиться на этих шарлатанов не буду) и выплату Эфиальту в прошлом периоде.

Особое удовольствие я получил, наблюдая за тем, как выражением самодовольного удовольствия постепенно сменяется подозрением, переходящим и недоумение, которое как-то очень быстро трансформировалось в гневный выкрик:

- Это подделка!

Разумеется, это подделка.

Я же злодей.

Было бы странно ждать он меня что-то кроме злодеяния.

С максимально скучающим выражением на лице выслушивал угрозы судом, жалобами в Лигу, в Департамент, которые должны были разорить меня.

Немного позавидовал тому, что Море сохранять неподвижное выражение лица не стоило никаких усилий.

Надо же как легко из друга стать врагом: для этого достаточно лишь быть другом человека, который совершенно не понимает во что он ввязался, а также, что предпринимательский талант, позволивший сколотить состояние, никак не компенсирует отсутствие таланта в других областях. Например, в области злодейства.

- Коллега, вы ошиблись. – поняв, что дольше не смогу сохранять скучающее выражение на лице, прервал я Альфонсо.

- И где же?!

- В условиях лотереи было чётко указано, что награда – картина из моего коридора, а не оригинал кисти Фонца Рукоти, также там указано, что, если победителя не устроит что-то в выигрыше, он может получить обратно стоимость билета. Морана Владимировна, будьте так добры: верните деньги за билет.

Пришлось вновь выслушать тоже самое, но в этот раз мне грозило не разорение, а аннулирование моего патента злодея.

Это я слушал с лёгкой усмешкой.

Подобные виды лёгкий, снисходительных усмешек я могу держать гораздо дольше.

- Коллега, вы вновь ошиблись.

- Где?!!

- В тот момент, как вы получили патент злодея, в отношении вас начал работать Кодекс Злодея.

- И?!

- В случае если вы стали жертвой санкционированной Лигой акции, а моя лотерея именно ей и была, вы не имеете права подавать какие-то жалобы, ведь это дело между нами, между злодеями.

Посыпался ворох отговорок, обвинений во лжи.

Пришлось дожидаться человека нашей Лиги, Лиги Злодеев, который подтвердит корректность моих слов.

Ожидание мне понравилось.

Мы ели и пили за чужой счёт, значит, вечером можно будет не ужинать, что само по себе неплохо, ведь сегодня за ужин отвечала Зейнаб, а, значит, специй будет столько же сколько песка в пустыни, откуда она родом.

Бертран, присланный Лигой, подтвердивший мою правоту, не скрывал язвительной усмешки, а тон, которым он зачитывал статья Кодекса, вызвал раздражение даже у меня.

Подобное поведение с его стороны показалось мне неуместным, о чём я, после ухода Бертрана, и сообщил Альфонсо, извинившись за поведение представителя Лиги и пообещав вечером подать жалобу.

- Коллега, я надеюсь, теперь вы поняли: какую ошибку вы совершили, получив этот патент, и поймёте почему я так яростно отговаривал от его приобретения. Теперь вы сами, ваше дело, ваша – законная добыча для других злодеев. И боюсь, как мы с вами только что убедились, вы не готовы к подобной ситуации.

Альфонсо ничего не ответил, лишь жестом показал, чтобы нас выпроводили.

Я предложил Море локоть, и мы гордо пошли к выходу.

Поворот на Пиза делла Стазионе мы пропустили: у меня пока ещё был ряд дел, куда более важных, чем встреча с присланной Лигой на производственную практику студенткой, тем более она должна попытаться меня убить, скорее всего прямо при первой же встрече.

Откуда я это знаю?

Она сама мне это сообщила, в письме.

Эвелина фон Гогенберг очень старомодна, поэтому мне так нравилось проводить с ней время, когда мы были студентами.

- Разве мы идём не на вокзал?

- Лина никуда не денется, а нам сегодня ещё нужно решить вопрос с очисткой канализации от крыс-мутантов, чтобы завтра Лига получила подтверждение выполнения контракта, а послезавтра мы увидели деньги, которые, за малым остатком, и отдали Эфиальту.

- Лина?.. Барни, так вы знакомы с практиканткой?

- Мы с ней учились в одной группе, но в прошлом году, как вы знаете, я убил своего наставника, получил его патент злодея и необходимость в дальнейшем образовании отпала.

- Но тогда почему она опять на практике?

- Узнав о том, что я сделал, она очень огорчилась, взяла академический отпуск, и вот явилась убить меня за то, что я предал её мечту выпуститься вместе.

- Барни, может быть попробуете ей объяснить, как оно на самом деле было?

- Я – злодей. Злодей пускается в пространные объяснения по поводу своих мотивов лишь для того чтобы выиграть время и нанести удар в спину.

- Девяносто третий пункт.

- Он. – кивнул я. – Его, как и добрую половину остальных из моей методички, предложила именно Лина.

- Вы хотите сказать, что украли не только сердце невинной девушки, но и присвоили себе её работу?

- Yes, of course!

По дороге к борделю прошли мимо здания Лиги, на первом этаже которой, как того требовал регламент, размещалась таверна, где, при необходимости, злодеи всегда могли найти себе наёмников.

С тех пор, как в наших краях появились орки, выбор там был не особо велик: можно было взять сильного, но тупого орка, а можно было взять тупого, но сильного орка.

Знатоки утверждали, что разница есть.

Эти же знатоки утверждали, что Близнецы, боги орков, никакие не близнецы, но утверждали это они только когда были уверены – рядом орков нет, в противном случае можно было и по голове получить.

В борделе удалось выбить неплохую скидку, предъявив как аргумент, что мои первокурсники, впервые сходим именно к мадам Фьоренца, скорее всего и дальше будут ходить к ней, и друзьям своим будут рекомендовать.

Теперь каждый из моих студентов, что сегодня принесёт двенадцать шкурок крыс-мутантов, получит бесплатно ночь любви.

Это при том, согласно контракта мне нужно было сдать Лиге всего тридцать шкурок.

Заглянул ещё в несколько мест.

В одном из которых громко посетовал, что одна известная всем особа сейчас не дома, но тут же заверил всех, что ничего такого, чтобы никто ничего такого не подумал, потому что между нами и правда ничего такого нет, и не нужно ничего себе выдумывать, у меня ведь гарем, и я совсем не думаю, что известная всем особа стала бы его прекрасным дополнением.

После новости о получении бесплатной ночи в борделе мадам Фьоренца восторженные первокурсники побежали бить крыс-мутантов, обитающих в канализации, а я, позволив, Море заняться делами, что накопились за день, хотел взять с собой Астрид.

Расчёт был прост: чтобы там Лина не задумала, она поостережётся нападать, когда рядом со мной такой телохранитель, но жара, медвежья шкура, кольчуга, а также день, который Астрид провела в тренировках первого и второго курсов сделали так, что находиться рядом с ней

стало крайне опасно для моего носа и для моего образа (что куда важнее), поэтому на вокзал я вынужден был отправиться один.

Стоило повернуть на Пиза делла Стазионе, как по несвойственной нашему провинциальному городку суете, стало очевидно – на вокзале что-то приключилось.

Огромного труда стоило мне перебороть желание вернуться домой и просто лечь спать, ведь причина происходящего могла быть лишь одна.

Лина и её безумные планы, которые никогда не шли так, как она их задумывала.

Напомнив себе о том, что до подписания документов, подтверждающих прибытие моей старой подруги на практику, ответственность за её действия несёт университет, в том числе за ущерб, я всё же продолжил путь, попутно пытаясь припомнить хоть один случай, когда план Лины не оборачивался катастрофой.

Эвелина фон Гогенберг – дочь рода Гогенберг.

Густав фон Гогенберг, её отец, широко известный в узких кругах математик, автор совершенно смехотворной, подтверждённой только теоретическими выкладками, упрощённой теории Пустоты, друг не менее известной и спорной личности Николы Умпера, чья экспедиция во Фронтир бесследно исчезла, передал дочери не только эльфийскую красоту, но и ту каплю своего безумия, из-за которой Лина, как злодей, представляла большую опасность для себя, чем для окружающий.

В первый день нашего знакомства, которое состоялось на гулянке в честь нашего поступления в университет, желая произвести впечатление на сокурсников и таким образом занять главенствующую роль во вновь сформированном коллективе, Лина подбросила монетку, которая по её расчётам должна была прокатиться по столу, став причиной череды событий, результатом которых стал бы трон из упавших сокурсников, на который она без проблем взобралась, тем самым указав всем остальным их место и показав то место, которое принадлежит ей по праву.

В реальности же всё закончилось тем, что мне пришлось утешать облитую пивом Лину.

Потом была попытка поспорить с профессором, посмеявшимся над теориями её отца, закончившаяся тем, что мне пришлось утешать Лину, говоря, что сгоревшие волосы отрастут и будут даже лучше прежних.

Было ещё спасение от утопления – раза три или четыре.

От изнасилования – раз десять, не меньше.

От мордобития – к концу первого курса я уже и считать бросил.

Эвелина, мечтавшая стать Эвелиной Великолепной, стала Линой Катастрофой.

Почти половина вокзала лежала в руинах.

Тот факт, что не оказалось ни одного пострадавшего, убедил меня в том, что обрушение – точно дело рук Лины.

Опрос свидетелей подтвердил мои догадки, с их же слов удалось более или мене восстановить картину произошедшего.

Прибывшая на утреннем поезде Лина, как мной и было указано, осталась ждать на вокзале, при этом она весь день проводила какие-то странные манипуляции: мяла газету, оставленную кем-то на лавочке, подбрасывала в воздух обрывки листов, собирала их, повторяла снова, рылась в мусорке, в общем, производила обычное впечатление Лины – хоть и красивой, но явно безумной дурочки, живущей в как-то своём выдуманном мирке.

Незадолго до обрушения на вокзале появилась компания орков, с которыми она и ушла в неизвестном направлении.

После всё это и произошло.

Местный голем-уборщик заприметил монетку, валявшуюся в щели, попробовал её достать, повредил какую-то опорную балку, попытался всё исправить.

И вот результат.

Поприветствовав инспектора Лиги, который всегда прибывает на такие вот подозрительные случаи, я сообщил ему, что не имею к происшествию отношения и удалился.

Монетка-улика, которая могла бы привести к Лине лежала в моём кармане.

Я всё-таки – злодей, не в моих правилах облегчать кому-то работу.

Единственным местом, куда местные орки могли потащить Лину являлась таверна в здании Лиги, туда я и направился, порадовавшись, что не прихватил с собой Астрид – эта точно устроила бы драку.

Нет, не то чтобы драка не входила в мои планы.

Конечно же, входила, ведь я всё-таки шёл к оркам.

Просто я планировал, что эта самая драка пройдёт без моего участия или участия моих подопечных, одной из которых, после подписания бумаг, должна была стать Лина.

Как я и рассчитывал моя старая знакомая нашлась в компании орков.

Судя по дружному хохоту, а также тому, что мундир студента Лины пачкали не только привычные чернила, но и пятна вина, пива и ещё чего-то, даже на вид, дурно пахнущего, она в который раз пыталась продемонстрировать своё мастерство, и в который раз – неудачно.

Пытаться сейчас забрать Лину, что пытаться забрать у кошки её любимую игрушку, - забрать-то можно, но надо быть готовым покусанным-поцарапанным, поэтому надо сделать так, чтобы игрушка стала не интересна кошке.

А что орки любят больше хорошей пьянки?

Только хорошую драку.

- Близнецы ведь одинаковые? – проходя мимо одного из орков сказал я.

- А кто сказал, что Близнецы разные? – тут же последовал ответ.

- Близнецы – разные? – тут же возмущённо воскликнул другой орк, сопроводив своё восклицание ударом.

Драка вскипела мгновенно.

- Ты заставила меня себя искать, я обязательно укажу это в твоей характеристике. – стараясь не обращать на воцарившийся вокруг бедлам, подойдя к Лине предупредил я её.

- Не думаю. – улыбнулась она и бросила на пол монетку.

Через буквально мгновение, мне пришлось подхватить Лину на руки, иначе она оказалась бы под тушей орка, поскользнувшегося на её монетке.

- И каков был план на этот раз? – решив, что из таверны безопаснее вынести Лину на руках, спросил я.

- Тебе в голову должен был прилететь кулак, и ты должен был умереть.

- Твои планы как всегда работают из рук вон плохо.

- Я тебе сто раз говорила: планы у меня правильно работают, это мир неправильный!

- Из-за твоих планов сейчас половина вокзала в руинах.

- Так уж и половина?

- Сама скоро увидишь, и давай уже дальше на своих двоих. И монеты свои отдай. Я сказал, отдай, от греха подальше.

Вид развалин вокзала произвёл на Лину нужное впечатление.

- Меня теперь точно исключат… - от того, чтобы она не шлёпнулась прямо на тротуар, выпачкавшись ещё больше, чем уже, спасло лишь то, что я успел схватить её за шиворот.

- Пункт сто тридцать два. Не оставляй улик. – напомнил я ей и извлёк из кармана монетку, ту самую, что взял у голема.

- Не оставляй улик – это пункт восемьдесят три.

- Это раньше он был восемьдесят три, а теперь – сто тридцать два.

- Барни, ты – вор и лжец.

- Благодарю за столь лестную оценку моих скромных заслуг.

Усадьба встречала нас тишиной и тёмными окнами, что сразу меня насторожило: не бывало такого, чтобы с приходом ночи проснувшаяся Исабель не поцапалась с Бьянкой из-за гардероба (кто там у кого в этот раз что украл или кто там в этот раз выбрал похожий образ силы разбираться у меня кончились очень давно) или не поскандалила с Зейнаб (тут вообще причину зачастую понять было невозможно); в крайнем случае моя consigliere устроила бы скандал Нольке, посчитав, что её склеп Нолька убирает реже и хуже, чем все остальные комнаты (доказательств, конечно же, не было).

Не стоит сбрасывать со счетов Астрид: я скорее поверю во встречу с Истинным, чем с трезвой саро ночью.

Быстро перебрав в голове все более или менее правдоподобные причины подобного и, не найдя ничего подходящего, перешёл к перебору тех, среди которых были совершенно фантастические, такие, как мой гарем наконец понял в какой ситуации мы находимся и начал вести себя соответствующе, этот вариант по шкале фантастичности немного проигрывал тому, в котором Главы Департамента вручают мне титул Тёмного Повелителя, а Истинный, Близнецы, Темные Боги и все остальные наблюдают за этим и восторженно рукоплещут в ожидании того момента, когда смогут меня поздравить.

- Лина, держись за мной. – бросил я своей спутнице, при этом ни на мгновение не замедлившись.

- Может быть вернёшь мне монеты?

- Чтобы я смотрел ещё и за тем, как бы ты не убилась или не развалила мою усадьбу? Я вообще-то только, что ремонт закончил.

- Барни, ты же помнишь, что бывает, когда я действую без монет?

Конечно, помню, едва живы остались, а потом я ещё уйму времени угробил, чтобы нас никто не смог связать с тем инцидентом.

- Без паники. Успокаивай себя тем, что нарушать пункт сто семнадцать я не собираюсь.

- А причём тут запрет на романтические отношения?

- Запрет – это пункт сто семьдесят три, а я о том, что нужно беречь своих подчинённых.

- Я не твоя подчинённая. Я – практикант.

- Пока я не подписал бумаги – ты, находясь в составе моей группы, являешься моей подчинённой.

- Временной. – тут же поправила меня Лина. – И нечего ссылаться на Кодекс, когда тебе это удобно. Сам же сколько раз говорил, что он устарел и больше путает, чем приносит пользы, поэтому ведь мы и взялись разрабатывать нашу методичку.

Открыв дверь, которая оказалась не заперта, я вошёл.

Огненные шары ударили со всех сторон, лишая зрения, следом грохот, разрывы, оглушающие, дезориентирующие.

Расцветающие пламенные цветы, чьи контуры прорезаются даже сквозь слепоту.

Движение.

Множество ног.

Решили взять меня в ближнем бою?

Одно движение, из трости выскальзывает клинок, что в ней скрывался.

Вот и пришло время отцову подарку вновь отведать крови.

Держал шпагу низко, у правого бедра, острием вперед и чуть влево – так, чтобы клинок перекрывал линию от паха до груди.

Я практически слепой и не могу парировать, я могу только закрыть линию.

Если ты не видишь, откуда удар, ты не ставишь блок – ты ставишь стену. И стена эта – клинок поперек тела.

Я – Барнабас IV Кошмарный – покажу вам, чего стоит входить в мой дом без приглашения.

- Всем стоять! – морозной волной ударил приказ.

Морана.

Это она.

Когда я смог опять видеть, стало понятно: деньги, потраченные на ремонт в холле, потрачены мной впустую, и что не спалено огнём Зейнаб, то заморожено Морой, а значит скоро растает и будет ещё потоп.

Спрятал клинок обратно. Трость и трость.

Стоит мой гарем. В полном составе, только Серафины и нет, она ещё какое-то время собиралась у родителей погостить.

- И что это было? – прозвучал мой вполне разумный вопрос.

Ответ оказался тоже вполне разумным: это оказался сюрприз в честь моего первого года в роли злодея, ведь именно в первый день своей практики в прошлом году я и убил предыдущего владельца гарема.

Организатором, как и у слишком многих подобных неприятностей, оказалась Бьянка, которая, поняв, что опять произошло не то, что было запланировано, попыталась сбежать, но хвост, попавший в ледяной плен ей этого сделать не давал.

Исабель попыталась притвориться, что её никак не заботят проблемы смертных и начала обмахиваться веером. И если на её вечно-чёрном платье следы гари были не особо заметны, то на бледном лице очень даже, что изрядно снижала пафосность жеста вампирессы.

Скромные капельки масла, заменившие Вильгельмине слёзы, текли по её медным щекам, - чистка всех её шестерёнок от всего на них осевшего займёт время.

Нолька печально поглядывала на разруху, которую предстоит убирать ей, ведь максимум пользы в уборке остальные принесут, если не будут мешать.

Хорошо выглядели разве что Исабель, организатор этого шоу, но она огненный ифрит – что с ней от огня ничего не сделает – Летиция, но она –призрак, её проблемы физического плана не беспокоят, и княжна. Морана Владимировна всегда выглядела прекрасно.

Ах, да ещё сестра Игнатия, суккубара, всегда выпадала из поля зрения из-за неприметного одеяния монахини и манеры всегда прятаться за чужими спинами.

Сестра Игнатия, судя по шевелению её губ, читала одну из молитв Истинному.

Астрид, в обычном для вечера опьянении, оказалась отдельной историей.

- Fóringi, ты скрывать мастерство? Я хотеть биться с тобой! – саро, когда пьянела, говорила на совершенно невыносимой смеси всеобщего и своего варварского языка. – Til Valhallar!

И в подтверждение своих слов ринулась на меня с занесённым над головой топором, но моя sottocaро была на страже, и Астрид оказалась закована в ледяную глыбу, так и не добежав до меня.

Стараясь не поскользнуться на льду и не обращать внимание на оскорбления, которые изрыгала саро, я проследовал в свой кабинет.

Мне нужно срочно переодеться и привести себя в порядок.

Пункт восемь. Злодей должен выглядеть так, чтобы вид его вызывал восхищение и трепет.

Мой нынешний вид был далёк от того, что предписывала моя собственная методичка.

Умылся, сменил сорочку. Разумеется, она была ослепительно-белой.

Не знаю, что Нолька делала, чтобы мои сорочки так выглядели, но пусть продолжает так делать.

Камзол и плащ одевать не стал: дома в них не было нужды, а гостей я не ждал.

Стук в дверь послышался, когда я, нанося на волосы помаду, приводил их в порядок.

- Войдите.

- Барнабас, прежде всего я должна перед вами извиниться. Вы поручили мне гарем, а я…

- Барни, я же просил, когда мы наедине, просто Барни… и я так понимаю, всё было организовано в тайне?

- Это не снимает с меня вины.

- Как и с меня. Я должен был догадаться, что Бьянка обязательно что-то придумает в честь годовщины.

- Но гарем – это моя ответственность.

- Морана Владимировна…

- Мора…

- Мора, давайте притворимся, что будто всё происходящее – часть плана.

- Пункт сорок восемь.

- Успех его во многом зависит от поведения, так что давай те же вести себя так, чтобы никто не усомнился в нашей с вами компетентности.

- Тогда я могу перейти к делам?

- Разумеется.

- Все ждут вас к праздничному столу.

- Так уж и все?

- Астрид разозлилась, что ей не дали подраться с вами и пошла к себе пить. Исабель ушла в город, причину велела мне самой придумать.

- С ужином помогала Зейнаб? Я всё правильно помню?

- Да, но я проследила и имеется несколько блюд, которые вполне можно есть.

- Прекрасно. Что-то ещё?

- Эвелина фон Гогенберг хотела бы подписать документы до ужина. Я также считаю это вполне разумных, чтобы после не возвращаться к этому вопросу.

- Приглашай её и предупреди всех, что мы скоро подойдём. Это ведь стандартные бумаги, вопросов с их подписанием возникнуть не должно.

Документы о начале практики, которые были при Лине, мы подписали даже не смотря.

Что особенно порадовало: моя подруга подписывала, не убедившись в том, что подписала она именно те бумаги, что мне протянула, а не те, что были мной заготовлены на этот случай.

Жаль, конечно, что уже потраченный аванс за практиканта придётся вернуть, но тут ничего не поделаешь.

Указанные Морой блюда действительно оказалось можно есть, не рискуя расплакаться от их остроты.

Особое удовольствие я получил он вида Лины, думавшей, что огонь от специй, которых не скупясь добавила Зейнаб, можно затушить обычной водой.

В конце поговорили по поводу увиденного ими.

Тут же последовали заверения, что никто их никогда и ни за что не выдаст эту мою тайну.

Особенно усердствовала Бьянка, которая торговала любыми доставшимися ей секретами. Например, в последний раз она продалась за татуировки карт на бёдрах, груди и плечах.

Отдавать задёшево секрет, который мне удавалось скрывать на протяжении многих лет, я не собирался, поэтому дал поручение Море (Моране Владимировне, при свидетелях) подготовить документы, чтобы завтра она могла выставить информацию, что я ношу в трости скрытых клинок и знаком с фехтованием, на торговой площадке Лиги.

На скорую продажу рассчитывать не стоило, но, думаю, покупатель найдётся, а значит наш скудный бюджет получит довольно ощутимое вливание.

Утро принесло вывоз Лины в Лигу для дачи показаний относительно инцидента на вокзале.

Ожидаемо.

В борделе выяснилось, несколько забавных вещей.

Во-первых, обитающие там девушку не очень разбираются в крысах-мутантах (как, судя по все, что участвовал в охоте), о чём позднее.

Во-вторых, нужно было указать, что за тушки можно принять только трёх клиентов, а не несколько дюжин.

В-третьих, всё же следовало дать какие-то отличительные черты именно моих первокурсников, а то, прознав про такую щедрость Барнабаса, первокурсники ломанулись даже из соседних городов.

В-четвёртых, вытекающее из «во-первых», среди принятых в качестве оплаты услуг обнаружились неведомо где добытые бобры, несколько волков, лис и нечто вроде крокодила, но им определённо не могущее являться, которые лишь увеличили расходную часть данного мероприятия, но не обещали проблем, тем более пошедшая с нами Астрид сказала, что шкуры снимет и продаст, а мясо пустит на еду.

И тут мы подходим к «в-пятых», которое могло бы быть составной частью «в-четвёртых», но всё же было выделено мной в отдельный пункт.

В-пятых, среди прочего имелась тушка пса, очень похожего на мастифа нашего мэра, с ремешком и медальоном говоривших, что это точно пёс мэра. Также припомнилось виденное мельком объявление на доске в Лиге, в котором говорилось об очень похожем псе.

Дав поручение Астрид, незаметно доставить тушку домой и спрятать куда подальше, чтобы я вечером смог решить, что делать, мы, расставшись с остатками наличности, но зато с вязанкой потребных для закрытия контракта хвостов, покинули бордель.

Таверна в здании Лиги пребывала после вчерашней драки в печальном состоянии, чего нельзя было сказать о зеленокожих. Орки весело пили, обсуждая вчерашнее и собирались сегодня повторить или завтра, только закончат восстанавливать таверну, так и повторят, а то какой смысл громить уже разгромленное. Если громить, так только целое, новое.

Хвосты благополучно была сданы, выполнение контракта подтверждено, деньги на завтра заказаны.

Пришлось, правда, написать объяснительную, указав, что первокурсники не были задействованы для его выполнения, а сами проявили инициативу, чему я не только не имел права мешать, а даже должен был поощрить, что мной и было сделано, ведь все участники провели ночь с девочками мадам Фьоренца.

Лину отправил регистрировать её документы, а сам подал жалобу на недопустимость поведения Бертрана и пошёл проглядеть доску объявлений.

Оплаты там были мизерные и дела в большинстве своём недостойные внимания уважающего злодея, но сегодня – другой случай.

Объявление мэра нашлось сразу.

Проглядел его, сделав вид, что интересуюсь объявлением о пропаже дюжины кур.

Мастиф. Кобель. Белый с маской, массивная голова, свисающие уши. Ремешок… медальон… награда… а награда хорошая, прямо, достойная злодея.

За такую можно и разыскать пса, тем более пса я уже разыскал, и в объявлении, к моей удаче, не уточнено – за живого или за мёртвого это награда.

Прикинуть, что и как лучше исполнить у меня не получилось: отвлёк визг Лины.

Неужели документы уже зарегистрированы?

Быстро они.

И Бертран, должно быть, в свойственной ему издевательской манере, поздравил Лину с тем, что она, Эвелина фон Гогенберг, теперь никакая не студентка на практике, а самая что ни на есть моя наложница, то есть часть моего гарема.

- Пункт сто сорок девять. Всегда читай, что подписываешь. Всегда, Лина. – сообщил я ей.

Приключившиеся после этого крики я уже слушал через толстую дверь кабинета руководителя нашего филиала Лиги, который захотел и первых уст узнать о моём злодеянии.

Попутно подал жалобу на вчерашнее поведение Бертрана, а также попросил сразу из причитавшейся мне за выполнение контракта суммы изъять аванс, который я должен буду вернуть университету, ведь теперь статус Лины изменился и ни о каком прохождении практики речи быть не может, и попросил передать в университет письмо о рассмотрении возможности перевода моей наложницы с очной формы обучения на экстернатуру, а также указать стоимость этого обучения.

Подтвердил подлинность выставленного Морой на продажу секрета и для верности приложил диплом, что сразу подняло его стоимость и привлекательность в глазах остальных злодеев.

И ещё, дабы я лишний раз не ходил, инспектора, который хотел допросить Лину, вызвали прямо в кабинет к нам, где я, являясь законным представителем и хозяином Лины, ответил на всего его вопросы и развеял всякие подозрения в том, что моя новая наложница хоть каким-то образом была причастна к обрушению вокзала или ко вчерашней драке в таверне.

Перед тем, как отправиться домой, наслаждаюсь в пути ни к чему не обязывающей беседой с Морой и приятной прохладой, я не мог не произнести злодейскую речь.

Традиция.

Многим кажущаяся глупой, устаревшей, но мной любимая.

Сеньоры, позвольте задать вам вопрос.

Да, всего один просто вопрос.

Почему уже больше двух тысяч лет нет нового Тёмного Повелителя?

О нет, не надо морщить лоб, шевелить губами, вспоминать труды уважаемых людей на эту тему и статьи с крикливыми заголовками из жёлтых газетёнок.

Не нужно мне этой лжи.

Не нужно.

Я – воплощённое зло. Ложь – это моя суть, моя работа и моё предназначение. Моё – не ваше.

От вас же, сеньоры, я жду честного ответа.

Да, я – злодей – жду честного ответа.

Я жду одного единственно возможного ответа.

Новый Тёмный Повелитель не мог появиться все эти две тысячи лет лишь по одной причине: я родился совсем недавно.

Да, я – Барнабас IV Кошмарный – стану новым Тёмным Повелителем, и вы, сеньоры, сможете передать своим детям и внука, а те своим детям и внукам, легенду о том, как среди вас ходил первый Тёмный Повелитель за две тысячи лет.

Viva el villano!

Здание Лиги мы покинули под одобрительный гогот орков.

И, кажется, кто-то даже аплодировал, но это скорее всего просто кажется.

- С билетами поступить как обычно?

Ставки на исход разного рода мероприятия были одной из основных статей пополнения бюджета Лиги Злодеев.

Очевидно, чем маловероятное событие, тем больше можно было выиграть.

Например, если сейчас поставить одну монету на то, что я стану Тёмным Повелителем, когда событие произойдёт, одна монета превратиться в недурную такую горку.

Именно билеты с такой мизерной ставкой с некоторых пор регулярно брались нами в Лиге и дарились людям в бедных районах города по случаю рождения ребёнка, просто дня рождения, свадьбы, в общем, по любому сколько-нибудь значительному поводу, а иногда и без повода. Эта символическая акция позволяла регулярно напоминать людям, что рядом с ними живёт злодей.

- Да, но, Морана Владимировна, разве мадам Фьоренца не выгребла из нашего кошеля все монеты?

- Я из своего заплатила.

- Благодарю. Разумеется, вы рассматриваете это как деньги взятые мной в долг под процент не ниже процента установленного Центральным Банком для подобного рода сделок?

- Разумеется.

- Не сочтите за неуместный комплимент, но я в очередной раз убедился в том, что назначаться вас, княжна, на должность sottocaro было одним из лучших моих решений за последний год.

- Благодарю, Барнабас.

- Может быть по дороге заглянем в парк ДенароГрассо?

- Вы думаете это уместно?

- Думаю. Людям полезно видеть меня, иначе о чём они будут рассказывать своим детям и внукам?

Когда мы уже прилично отошли от здания Лиги и были у входа в сад, Лина, плётшаяся за нами, вдруг вспомнила:

- Меня же к инспектору вызывали…

- К инспектору вызывали практикантку Эвелину фон Гогенберг, а не мою наложницу.

- Да, но…

- Во-первых, твоё неумение врать делает тебя практически профнепригодной как злодея. Во-вторых, если бы ты смогла худо-бедно соврать, что не причастна к обрушению вокзала, тебя всё равно могли допросить в присутствии мага-ментала, а он бы тебя точно расколол. А я –

патентованный злодей – меня без моего разрешения или решения Лиги нельзя допрашивать с привлечением спецсредств, в которым относятся маги.

- Хочешь сказать, что я тебе ещё должна быть благодарна за то, что ты сделал?!

- Лина, дорогая, я – злодей. Мне благодарности твои ни к чему. Я жду чёткого выполнения моих поручений.

- И каких же?

- Я рассчитываю, что после подтверждения того, что ты можешь продолжить обучение экстерном, к концу этого учебного года ты получишь патент злодея.

- Что?..

- Эльфийка в гареме – это мелко и пошло, а вот патентованная злодейка, это уже интересней, об этом обязательно напишут в газетах. – раскрыл я ей свой замысел, а после попросил. – А теперь, помолчи немного, не мешай наслаждаться красотой. Кстати, попробуй тоже ей насладиться, скорее всего, это в последний раз, когда ты имеешь возможность свободно гулять, ведь пройти три года обучения за один год – это задача не из простых. И я бы, наверное, пожалел тебя, Лина. Наверное, если бы не был злодеем.

Парк ДенароГрассо – это не просто парк.

Здесь каждый камень знает своё место, а каждая травинка танцует в такт ветру.

Мы с Морой идём под ручку.

Нас встречает аромат роз, смешанный с ароматами десятков других цветов.

Красные клёны шепчут что-то на своём забытом людьми языке, а карпы кои рисуют круги на зеркальной глади пруда, будто пишут иероглифы вечности. Мостики изогнуты так, чтобы ты не спешил, чтобы каждый шаг был медитацией.

Музыкальный фонтан – это сердце, бьющееся в ритме вальса, и струи взлетают вверх, как серебряные нити, вплетённые в небо. Дети смеются, их голоса как колокольчики, и мы идём по аллее, где деревья смыкаются над головой, как руки влюблённых.

Мне становится немного жаль, что сейчас не вечер.

С заходом солнца надевает свои лучшие украшения. Тысячи огней зажигаются, и дорожки превращаются в реки из золота и лазури. Озеро становится зеркалом для звёзд, и лебеди – белые призраки, скользящие по лунной дорожке. Сад камней – это молчаливая молитва, где каждый валун – это вселенная, а гравий – это время, текущее между пальцами.

Архитектура здесь не спорит с природой. Она обнимает её.

Пагоды увиты виноградом, их тень падает на скамейки, как кружево.

Скульптуры – это застывшие мгновения, и ты почти слышишь, как они дышат.

Амфитеатр – раковина, в которой хранится эхо аплодисментов, и сцена… ноги самых известных музыкантов современности попирали её…

А люди?

О, люди здесь – часть декорации.

Влюблённые держатся за руки, их шаги совпадают с ритмом фонтанов.

Старики сидят, их морщины – карта прожитых лет.

Дети бегут по лабиринту, и их смех – чистая музыка.

Зимний сад, та его часть, что Альфонсо выстроил для моей sottocapo, поражается своих масштабом – кусок зимы под огромным куполом из хрусталя.

Боюсь представить: во сколько ему обходятся услуги криомага, отвечающего за это великолепие.

В сад пускают не всех.

Мы – избранные.

Холодно.

Снег хрустит под ногами.

Пахнет хвоей.

Могучие дома, выстроенные из огромных брёвен, спят под снежными шапками, - избы.

Проходит совсем немного времени, и мороз начинает щипать щёки и нос, но это мелочь за возможность насладиться тишиной и компанией Моры.

Если и есть у парка ДенароГрассо недостатки, так это его владелец – Альфонсо Мария ДенароГрассо, который уже спешил к нам на встречу.

Пережить казавшийся неиссякаемый поток комплиментов, адресованных Море, которой зима и снег больше подходили душных улиц нашего города, мне помогли отменный чай со свежеиспечёнными пирогами, которые приходилось есть с великой осторожностью, весь начинки в них было положено сверх всякой разумной меры.

Злодей со следами варенья на лацканах, смешон не менее, а то и более, чем потный или неряшливый.

Лину подобное не заботило: мундир ещё утром, благодаря стараниям Нольки, бывший чистым, уже обзавёлся несколькими чернильными пятнами непонятно откуда взявшимися, ведь Лина всегда отдавала предпочтения карандашам, часть из которых использовала в качестве шпилек для волос.

Когда же Альфонсо переключился на меня, то я пожалел о том, что не нашёл достойной причины уйти раньше. Теперь же после всего съеденного и выпитого я чисто физически некоторое время не был способен на побег.

И если бы Альфонсо продолжил меня обвинять, то я бы хоть немного развлёкся, указывая ему на ошибки, так нет же…

Решил он, что я оказывается по-дружески показал ему, что мир героев жесток, показал, как друг, чтобы в будущем он был готов к тому, что другие злодеи окажутся не столь добры, тем самым подтверждая верность пункта пятьдесят пять. Многих даже не нужно обманывать, они сами себя обмануть – пользуйся.

Только не смотря на то, что это была полезная иллюзия, которая не стоила мне никаких усилий и в будущем способная принести прибыль, всё же многословность Альфонсо, особенно направленная на мою персону, утомляла.

Тем был спасён, что Мора, оценив ситуацию извинилась, напомнив о необходимости идти на несуществующую встречу.

Прихватив с собой несколько пирогов и мешочек чая, которые нести предстояло Лине, потому как мой образ не сочетался с подобными вещами, я также получил заверение от Альфонсо, что он обязательно отыщет какую-то мелочь, которой сможет отплатить мне за дружеский урок.

Мора с Линой пошли на кухню – нужно было распорядиться по поводу ужина, а после моя sottocaро должна была узнать, как прошли первые в этом году занятия у первого и второго курсов и решить иные вопросы, отвлекайся я на решение которых утратил бы возможность вести свою злодейкою деятельность, став подобен обывателям, у которых патент злодея пылится забытый где-то в шкафу, либо висит на стене среди таких же никому ненужных патентов.

Мне же нужно было отыскать Астрид и мастифа мэра.

Сегодня идти и получать награду за найденного пса было поздно, но не помешало бы проследить, чтобы с его телом ничего не случилось, а то завтра не за что будет получать награду.

Астрид нашёл на заднем дворе. Она возилась со шкурами.

- Как прошло? – на всякий случай уточнил я, хотя очевидно же – хорошо всё прошло.

Тушек нет, значит, они уже на кухне, а это в свою очередь значит: что-то из бюджета на питание и будет сэкономлено.

Сэкономил – считай заработал.

Шкуры после обработки тоже какие-то деньги должны принести.

- Без происшествий. – ответила она лёгким поклоном.

- Хорошо.

Год назад вид любой крови, да даже красная тряпка могли привести к тому, что Астрид теряла над собой контроль, теперь же вон уже животных может разделывать.

- Fóringi, мне вчера с пьяни привиделось, что ты шпагу в трости скрываешь, весь день хотела о том спросить.

- Как в тот раз, когда ты видела Морану Владимировну выходящую из моих покоев?

- Fóringi, ты хитёр как змей. – обнажила она зубы в широкой улыбке. – И я бы хотела попробовать тебя убить. Возможно, сегодня, если буду достаточно пьяна. Или завтра.

- Сочту это за комплимент.

- Твоё дело… так зачем заявился? Не узнать же, как у меня дела?

- Хотел сказать, что пса завтра отнести нужно будет в здание Лиги. Нам за него награда причитается.

- Fóringi, клянусь Одином, я бы глаз отдала за возможность поглядеть: смог бы тебя Локи перехитрить.

- Ты, Астрид, всё же моя наложница, моя собственность, поэтому я бы не хотел, чтобы ты лишалась глаза из-за такой глупости.

В ответ послышался хохот.

- Так что с псом? С его телом точно всё в порядке будет? – когда Астрид наконец отсмеялась решил всё же уточнить я.

- Да что с ним станется? Я его в склеп к драугру кинула.

В этот момент я понял, что шансы получить деньги с мэра стали стремительно снижаться, приближаясь к нулю и, возможно, грозя увести в убыток.

Когда же в склепе Исабель не обнаружилось ни вампиресы, ни пса, стало очевидно: спокойных вечер мне не грозит и сегодня.

Срочное расследование показало: моя consigliere в приподнятом настроении, которое приключалось с неё крайне редко, покинула усадьбу, при этом сопровождал её мастиф, непонятно откуда взявшийся.

Это Нольке непонятно откуда, а мне – понятно.

Подняла вампиресса пса, и теперь вместо тушки пса за которую можно было бы завтра выручить деньги у нас имеется четвероногая нежить и, возможно, проблемы с мэром, если кто увидит Исабель с псом гуляющую. А знаю мою consigliere – непременно увидит, ведь она очень любит внимание. Без внимания ей тяжело вздыхать и говорить, как же она устала от внимания.

«Никогда не бегай и не суетись. В боевых условиях суетящийся злодей вызывает панику, а в мирных – смех». – напомнил я себе пункт девять, подавив тем самым возникшее желание срочно начать раздавать указания.

- Передай Моране Викторовне: сегодня ужинать будете без меня. Но перед этим найди Зейнаб и скажи ей, чтоб она разыскала Исабель и отметила для меня это место. Летать разре-

шаю. Только пусть смотрит, чтоб как в прошлый раз не пожгла чего. – дал я указания Нольке, на которой держался весь быт усадьбы, над входом которой с некоторых пор красовалась надпись «de la Casa Limpia», то есть «Чистый дом».

Нолька кивнула и пошла выполнять поручения.

На полу за ней оставались едва заметные влажные следы.

Всё же К.А. Занова был большой оригинал: слайм в гареме… мягко говоря странный выбор…

После захода солнца гулять можно было и без сопровождения княжны, но прогулка эта всегда оказывалась неизмеримо скучнее, ведь всё моё время вместо приятной беседы было занято планированием.

Метеором в небе пронеслась Зейнаб, Зейнаб аль-Ракиса, огненный ифрит. Почему «огненный» - это понятно, почему «огненный ифрит» - вот это не очень понятно, ведь никаких ифритов, кроме огненных в природе нет.

Очень тихая и милая девушка, особенно если учесть её происхождение.

Со всё возрастающим беспокойством наблюдал я за тем, как метеор покружил над парком, потом над игорным домом, над зданием Лиги, борделем и дальше, дальше, намекая на то, что реализовался худший из возможных сценариев.

Огненные цветы, подобные тем, что ослепили меня вчера и устроили небольшой пожар, начали расцветать над домом мэра, до которого мне идти было ещё минимум полчаса.

Всё же очень зря я вчера не приказал вытащить гроб с Исабель на солнце.

Ещё разумнее это было сделать год назад, когда стало понятно, что вампиресса склонна использовать своё положение для личной выгоды, систематически пренебрегает обязанностями, подвержена влиянию почти смех смертных грехов, при чём никогда не ясно какой именно из грехов толкнёт её на очередную глупость.

Как это не странно, небольшому пожару, приключившемуся из-за представления устроенного Зейнаб, и почти потушенному к моему приходу, я даже оказался рад: благодаря ему мэр заметил мою вампиршу и своего мастифа буквально за несколько минут до моего прихода.

Одев на лицо одну из своих лучших официально-добродушных улыбок, я театрально раскинул руки и громко, перерывая начавшийся разговор, обратился к мэру

- Франсиско, вижу, моя consigliere уже обрадовала вас тем, что ваш малыш найден. – и не давая опомниться, начал теснить вампиршу. – Исабель, моя дорогая, ну я же просил не начинать без меня. Кстати, Франсиско, вам понравилось шоу устроенное в честь этого знаменательного события моей Зейнаб?

Мэр попытался что-то сказать по поводу того, что вампиресса только что говорила по поводу пса другое, но тут я сослался на своеобразное чувство юмора Исабель, которая сделав вид, что ей вдруг наскучила беседа пошла к компашке каких-то дворянишек, постреливавших в её сторону глазками и явно рассчитывавших, что сегодня именно кому-то из них посчастливиться утолить жажду кровососки.

Наивные глупцы.

- Мастифа оставь мэру. Это всё-таки его пёс. – предупредил я Исабель, которая вполне предсказуемо собралась покинуть нас вместе с поднятым ей псом.

Вампиресса хмыкнула, но просьбу выполнила.

Небольшая заминка вышла, когда Гонсало Саласар, руководитель филиала, с которым мы сегодня уже разговаривали, ставший свидетелем всего, слишком громко для простой шутки заявил:

- Барнабас, что это такое? Вы решили переметнуться в стан героев? Какая утрата для сообщества злодеев, а я между прочим возлагал на вас такие надежды, особенно после вашей речи.

Справедливое замечание.

Я не взял контракт на доске объявлений, значит, не имею права на награду.

То есть фактически я вернул пса мэру просто так.

Из благих намерений.

Доброе дело сделал, как какой-то недобитый герой.

За такое патента не лишат, но замечание с занесением в дело получить вполне реально.

Нужно было срочно исправлять ситуацию.

Доброе дело?

Я?

Не смешите меня!

Я – Барнабас IV Кошмарный.

Я – плоть от плоти зла.

Искать во мне проблеск доброты, что искать девственницу в борделе мадам Фьоренца – дело, лишённое всякого шанса на успех. Imposible!

Я привёл нашему почтенному мэру его пса лишь по той причине, что не мог позволить, чтобы кто-то мог получить деньги столь лёгким способом.

И ещё я хотел всем напомнить, что истинного злодея, коим я несомненно являюсь, нельзя просчитать с точки зрения логики и получения прибыли, поэтому вместо того чтобы, взяв контракт, получить награду самому, я просто отдаю этого пса мэру.

Непредсказуемость рождает страх, а мне нравится дышать воздухом, в котором витает страх.

На этом позвольте откланяться: моя миссия здесь выполнена.

Зейнаб, донна Исабель, за мной!

Ответ Зейнаб полон звенящей весёлости.

Она движется так, будто земля под её босыми ногами превращается в ковёр из лепестков и углей.

Её смех звенит, как тысячи золотых монет, нашитых на пояс, что покачивается в такт шагам. Он рассыпается в воздухе, лёгкий и лукавый, а в глазах – тёмных, как ночь над пустыней, танцуют огоньки безумия.

Её чёрные волосы струятся по плечам и спине, словно река из расплавленной смолы, и живут своей жизнью – подхватывают ветер, вьются вокруг тонких запястий, в которых звенят браслеты. Каждое движение — это танец. Бёдра колышутся под полупрозрачными тканями шафранового и бирюзового шёлка, открывая тугой, почти нереальный изгиб талии. Ткань струится, как дым, обнажая и скрывая одновременно. Полная грудь, едва сдерживаемая тканью, вздымается в такт дыханию – тяжёлому, жаркому, как сама пустыня на закате.

Она идёт, и вокруг неё пляшут языки пламени – не обжигая, а лаская. Огонь вьётся у её ног, поднимается за спиной, как крылья, обвивает руки, как змеи. Она не боится его – она и есть огонь. Каждый её шаг – это вспышка. Каждый поворот головы – это искра.

Толпа смотрит, затаив дыхание.

Мужчины забывают, о чём говорили.

Женщины завистливо вздыхают, но не могут отвести глаз.

А Зейнаб, танцуя, идёт ко мне.

Босая, украшенная золотом и монетами, с кольцами на пальцах ног и браслетами на щиколотках.

Она проходит сквозь толпу, как сон, оставляя за собой шлейф из аромата специй, дыма и той восточной, горячей сказки, о которой одинаково страстно мечтают и юноши, и старики.

Вампиресса щелчком захлопнула веер, бросила на меня раздражённый взгляд, но тоже последовала ко мне, - нарушать наш договор было не в её интересах.

Благородная донна Исабель Херес-де-ла-Фронтера совершенно отвыкла от того, что ей нужно самой о себе заботиться, поэтому ради своего комфорта сделала то, что от неё требовалось.

Позволив Зейнаб нести мою трость, я удалился с двумя наложницами под ручку.

- Поумерь огонь. Не хотелось бы загореться, как в тот раз. – попросил я, как только мы немного отошли от дома мэра.

Зейнаб покорно кивнула, и огненные всполохи угасли почти полностью, разве что следы… за нами тянулась дорожка быстро гаснущих девичьих следов…

Ифрит, заметив, что я обратил внимание на следы, прижалась сильнее, чем того требовала ситуация.

- Следы – оставь. Пусть знают, кто тут прошёл. – разрешил я. – Только смотри не пропали брусчатку, а то на оплату ремонта у нас совсем нет денег.

- Sayyidi, я стала куда искуснее, и скоро я буду твоей al-mufaddala, а не эта ледышка.

- Просто дождись прихода осени, и обещаю – ты всегда будешь рядом со мной. Я не люблю не только жару, но и холод.

- Sayyidi, ты жесток.

- Я всё-таки злодей, пора бы тебе уже это уяснить.

За милой беседой мы вернулись в усадьбу, к счастью уже спавшую.

Зайнаб, танцуя, пошла к себе, Исабель намеревалась сделать тоже самое, но я попридержал её.

- Донна Исабель, а когда вы успели получить разрешение на поднятие нежити?

- Разрешение? Я – донна Исабель Херес-де-ла-Фронтера – высший вампир, названная дочь самой Катарины Фреды, известной как Белая Дама. Я родилась до того, как появились эти ваши бумажки…

- Донна Исабель, - мягко, но настойчиво прихватил я её за локоток, - в таком случае, в наших общим, моих и ваших, интересах лучше сделать так, чтобы утром пса у мэра не было.

- Дон Барнабас, вы мне приказываете? – вампиресса в вопросе обнажила свои клыки.

- Я не приказываю. Я прошу, донна Исабель. И рассчитываю, что вы мне не откажите.

- Я подумаю.

- Буду признателен вам, донна Исабель. – отпустил я её локоток, чтобы вампиресса смогла удалиться.

Поднимать вопрос о том, что ей двигало, когда она потащила поднятого пса мэра к мэру в дом, не стал хотя бы потому что со слишком большой вероятностью я не получил бы ответа.

К себе спальню подняться не успел: появилась Нолька.

- Дон, донна Морана велела, чтобы вы перед сном обязательно поели. – сообщила мне она. – Пойдёмте на кухню.

- Только в том случае, если ты составишь мне компанию.
- Нет, что вы, дон, я уже ела…
- Ты ещё растёшь, один ужин тебе точно не помешает.
- Ну если только немножко.
- Только немножко. – соврал я.

Астрид, ответственная за готовку сегодня, приготовила своё любимое блюдо – мясо с мясом, в густой мясной подливе, к которому в качестве гарнира шло мясо.

От одного вида ужина я почувствовал, что сразу килограмм-другой прилип ко мне в самых неприятных местах.

И это было почти катастрофа.

Пухлый злодей – зрелище жалкое.

Злодей должен быть худ.

Худ.

И никак иначе.

Его щёки должны быть впалы, лицо бледно, а черты лица заострены.

Хищник.

Голодный опасный.

Взяв на тарелку чисто символический кусочек, я с великой аккуратностью стал его делить на ещё более маленькие кусочки.

Пока я орудовал ножом, Нолька соорудила салат из помидор и зелени.

Соль в хрустальной солонке поставила рядом с салатом.

Жестом дал знать, что мне нужен только ломтик хлеба, больше ничего не требуется, а Нолька уже может присаживаться и тоже приступать к ужину.

Чтобы не отвлекать свою наложницу от еды, а себя наоборот – от еды отвлечь, я рассказывал о том, как прошёл день.

Разумеется, начал с борделя, где всё прошло пусть и не так гладко, как хотелось бы, но цель всё же была достигнута, и теперь у нас будет, что завтра принести Эфиальту.

Опять же слухи о том, что первокурсникам я организую бесплатные походы в бордель, дошедшие до соседних городов.

Если повторить акцию, то слава обо мне разойдётся шире, что полезно для дела и, возможно, в следующем году студентов будет больше, чем в этом.

Но тут нужно думать, а то дорого выйдет студентов в бордель водить. Опять же второкурсники будут возмущаться.

В мастифом мэра, не смотря на отсутствие прибыли, главное, что убытков не было: не хватало с Лигой проблем из-за того, что мои действия привели к гибели пса, и мэр тоже это припоминал бы мне это ой как долго.

После плавно перешёл к планам на завтра.

За готовку в последний день декады теперь отвечать буду не я, а наша новенькая, о чём Нолька Лину завтра известит.

Поход в Лигу будет ближе к обеду, чтобы деньги там точно были, и не пришлось их ждать, поэтому за завтраком я хотел бы видеть весь свой гарем: необходимо обсудить некоторые моменты.

- Да ты ешь ещё, ешь. – заметив, что Нолька съела куда меньше, чем могла бы, сказал я ей. – Тебе расти нужно. Помнишь почему?
- Помню, дон.
- И почему же?

- Чтобы, когда стану большой и сильной не бояться ни героев, ни злодеев, а ещё чтобы помогать вам, дон.

- Всё верно, а чтобы стать сильнее, нужно есть. Поняла?

- Поняла, дон.

- Тогда ешь. Если не хватит – возьмём добавки.

Как я и рассчитывал – добавка понадобилась.

А потом был чай с пирогами, принесёнными наши от Альфонсо.

За завтраком сообщил, что Обществу Героев удалось получить разрешение на нападение в предстоящие выходные, что было неплохо, ведь за работу в выходные нам полагалась двойная ставка.

В этот раз герои планировали тайно проникнуть в усадьбу и выкрасть украденную мной ранее инфанту соседнего королевства.

Откуда я это знал?

Да от самой инфанты.

Герои, как полагалось героя сообщили о своих планах своей драгоценной инфанте, которая уже который месяц томится в руках коварного злодея, по капле теряя драгоценную невинность, всё больше подаваясь разрушительному воздействия развратного злодея, меня то есть.

А всё почему?

А всё потому, что я с самого начала сказал Бьянке, заплатившей мне за собственное похищение: если она не хочет вернуться домой после первой же геройской акции, то я чётко должен знать, что, когда и кем будет предпринято.

И вот уже больше полугода семья Фьяска платила Обществу Героев, чтобы те посылали людей отбить свою драгоценную дочурку, а в это время их дорогая дочурка что хотела, то и творила: хвост отрастила, рога, недавно вот татуировки сделала, в общем, жила лучшую версию своей жизни, при этом всегда имея возможность свалить всё на меня.

Мне, как злодею, с этого была одна прибыть.

Во-первых, герои регулярно нападали, а за это – деньги.

Во-вторых, я имел в гареме самую настоящую инфанту, что прибавляло мне славы.

В-третьих, Бьянка, уличённая городскими властями в очередном непотребстве неизменно заявляла, что она пыталась проникнуть в мужскую семинарию по моему приказу или что это я заставляю ещё напиваться, носить откровенные наряды, и много чего иного, за что после суда, мне, как злодею, развращающему невинную инфанту, от Лиги полагались выплаты.

Получив деньги, я тут же вернул долг Море. С процентом, округлённым в большую сторону.

Прежде чем идти в банк, принадлежащий Эфиальту, прогулялись к дому мэра – нужно было убедиться, что Исабель избавилась от пса-нежити. Суета, царившая в округе, и суматошные выкрики прислуги, разыскивающей пропавшего мастифа, убедили меня в том, что в этот раз всё было сделано правильно.

В банке нам повезло – удалось оформить платёж через мелкого клерка, тем самым миновав встречу с Эфиальтом, который при всех своих деньгах умудрялся выглядеть рыхлым, вечно воняющих убожеством, что, замечу, с учётом того, что одна его запонка всего стоила больше, чем весь мой наряд, являлось подвигом.

До момента, когда мы закроем взятый кредит, было ещё далеко, но после того, как очередной платёж оказался сделан, стало немного чуть легче.

Следующий – через две декады, и его я намеревался закрыть с денег, что нам принесёт очередная попытка отбить Бьянку.

Неплохо было бы попробовать захватить героя, тем более среди них в этот раз как раз должно будут две девушки, - их можно будет отпустить за выкуп. Мне всё-таки нужно ещё ремонт в холле сделать, и экстернатуру Лине оплатить после того, как перевод будет подтверждён, не мешало бы, хотя бы частично.

- У меня как-то вчера из головы совершенно вылетело со всей той мелкой суетой, что приключилась: вам удалось переговорить с Вильгельминой? Ей ничего интересного найти не удалось?

- Возможно, но пока рано о чём-то говорить. Постараюсь сегодня к вечеру набросать вам планы.

- Было бы неплохо. Как сделаете – может быть зайдёте ко мне с ними и сразу обсудим? А после насладимся муками героев, оказавшихся на столько самонадеянным глупцами, что вздумали сунуться в дом злодея.

- Буду рада.

На этом обсуждение дел в общем-то и закончилось, и я смог просто гулять по городу в прекрасной компании, свысока поглядывая на людей, изнывающих от жары.

За год, который мы с Линой не виделись, не слишком-то она и изменилась, и ужин это доказал лучше долгих разговоров.

В центре стояло блюдо со свиной рулькой, вокруг – миски с тушёной капустой и кнедликами. Свиной, значит, вместо того чтобы использовать добытое вчера мясо был предпринят поход на рынок.

Помимо рульки имелись колбаски. Две сковороды.

Блюдо сыра. Явно не из запасов. Не было там у нас камамбера. Не было.

Картофельное пюре, лапша, жаренная с луком.

Хлеб.

На десерт – панкейк с изюмом, посыпанный сахарной пудрой и панкейк с цукатами, также щедро посыпанный пудрой.

Графины с компотом и вином в бутылках – для всех – и небольшой бочонок с пивом у Астрид. На бочонке виднелась печать пивоварни «Шаум» да и бутылки с вином явно были не из запасов К.А. Зановы.

И никаких овощей.

У нас, между прочим, лето на дворе.

Они, между прочим, дёшевы и полезны.

Сестра Игнатия прочла привычную краткую молитву, возблагодарив Истинного за еду.

Реакция остальных представительниц гарема также оказалась привычной.

Астрид, уже заливавшая в себя прямо из бочонка дорогое пиво, фыркнула, облившись из-за этого. Она в Истинного не верила, поклоняясь пантеону богов, главой которого являлся Один.

Исабель была занята выяснением отношения с Бьянкой, которая в честь того, что сегодня её должны прийти спасать позаимствовала какое-то очень дорогое вампиресс платье.

Летиция присутствовала за столом чисто номинально – от чтения книги её мог отвлечь только прямой вопрос, и то не с первого раза.

У остальных также имелись занятия поинтереснее, чем участвовать в молитве.

Бьянка, например, не отвлекаясь от спора с Исабель, уже хомячила за обе щёки панкейки и запивала вином. Не из бутылки, наливала в бокал. Пить из бутылки за столом я её отучил быстро.

Лину же куда больше молитвы интересовали её безуспешные попытки отереть с мундира пятна, появившийся на нём за время готовки. Пользоваться фартуком она так и не научилась.

В общем, всё в пределах нормы, но всё же был один вопрос, который я не мог не задать.

- Морана Владимировна, - наклонился я к своей sottocapo и сказал едва слышно, - сколько было потрачено на ужин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.